

Госпожа Цуй сошла с паланкина, не переставая честить слуг на чем свет стоит. Носильщики и челядь замерли, боясь лишний раз вздохнуть, лишь бы не навлечь на себя новую волну гнева.

Из ворот навстречу выбежала служанка:

— Госпожа вернулась! Обед уже подан.

Е Цяоцяо поправила прическу, оправила складки платья и, убедившись, что выглядит безупречно, в сопровождении служанки переступила через порог.

Стены поместья Цуй были буквально уклеены талисманами изгнания зла и восьмигранными зеркалами Багуа. Стоило подуть ветру, как бумажные талисманы принимались зловеще шуршать. Госпожа вдруг замерла и отступила назад. Окинув взглядом пестрящие желтизной двери, она распорядилась:

— У нас ведь остались те талисманы изгнания зла, что я просила в прошлый раз? Принеси их все и наклей поверх этих.

Слуга тут же бросился исполнять приказ. И только когда на воротах не осталось живого места от новых талисманов изгнания зла, Е Цяоцяо удовлетворенно кивнула и грациозной походкой вошла во внутренний двор.

В столовой ее встретила гнетущая пустота. Нахмурившись, госпожа спросила:

— А где муж? Неужели еще не вернулся?

— Госпожа, — служанка почтительно склонила голову, — хозяин велел передать, что у него важная сделка. Сказал, что к обеду его ждать не стоит.

— Какая еще у него может быть сделка... — Е Цяоцяо помрачнела.

Впрочем, мысли о недавних странных событиях тревожили ее куда сильнее, чем загулы мужа. Она омыла руки и села за стол. Несмотря на то что обедать ей предстояло в одиночестве, стол ломился от изысканных яств. Каждое блюдо, поданное в дорогом фарфоре, манило своим ароматом, а стоимость этой трапезы могла бы прокормить обычную семью целый год. Однако аппетита не было. Госпожа лениво ковырнула палочками в тарелке и вскоре отложила их.

Жара становилась невыносимой. Утренняя поездка в лавку за тканями для новых нарядов и полуденный зной окончательно вымотали ее, поэтому она решила немного вздремнуть.

В спальне стояли кадки со льдом, даря блаженную прохладу. Облаченная в легкие одежды, Е Цяоцяо быстро погрузилась в сон.

Ей пригрезился плеск воды. Она стояла на берегу городского рва, а неподалеку, на белом нефритовом мосту, виднелась женская фигура в белом. В сумерках ее распущенные волосы казались спутанным саваном, а сама она походила на выходца с того света.

Внезапно женщина шевельнулась.

Сердце Е Цяоцяо ушло в пятки. Охваченная первобытным ужасом, она бросилась бежать. В ушах гремел собственный хриплый пульс и тяжелый топот. Ей казалось, что она бежит целую вечность, но стоило ей поднять голову, как белое пятно возникло прямо перед ней.

Призрачная дева сидела на земле и голыми руками вырывала чье-то сердце.

Мерзкий хруст разрываемой плоти и ломающихся костей заставил кожу покрыться мурашками. Кровь брызнула деве в лицо, пятная белое платье багряными кляксами. Она медленно подняла голову и, сжимая в руках трепещущий окровавленный орган, уставилась прямо на Е Цяоцяо.

— А-а-а!

С пронзительным криком госпожа Цуй подскочила на постели. Пот катился градом, сердце колотилось о ребра. Она смахнула испарину со лба и вдруг заметила за ширмой силуэт. Она едва не захлебнулась в хриплом визге:

— Кто здесь?! Хватит ломать комедию, а ну выходи!

Из тени с тазом воды вышла служанка Жуйэр:

— Госпожа проснулась? Вам дурной сон привиделся?

Наткнувшись на свирепый взгляд хозяйки, девушка вздрогнула и пролепетала:

— Простите, я просто хотела убрать лед, на дворе уже темнеет.

Е Цяоцяо взглянула на кадки — за день лед превратился в теплую воду. Она бессильно откинулась на спинку кровати, чувствуя себя так, словно из нее выкачали все силы.

— Приготовь ванну.

Жуйэр поспешила к выходу, но госпожа окликнула ее:

— Зажги все свечи!

Служанка, не смея перечесть, торопливо зажгла огонь и скрылась. Вскоре горячая вода была готова. Смыв с себя липкий пот, госпожа вышла из купальни спустя добрый час. Присев перед зеркалом, она принялась расчесывать волосы и вскользь поинтересовалась:

— Муж вернулся?

Жуйэр, следившая за каждым движением хозяйки, замялась. Е Цяоцяо как раз подводила брови; она увидела в зеркале свой холодный и колючий взгляд:

— Ну? Что ты молчишь?

— Хозяина всё еще нет, госпожа.

Е Цяоцяо с силой швырнула дорогую шпильку на стол. Сжав зубы, она приказала:

— Позови Сяо Цзю.

Девятый был человеком, которого госпожа вырастила сама. Ловкий делец и преданный пес, он был непревзойденным мастером в добыче слухов. Сведения не заставили себя ждать: Цуй Сян действительно днем вел дела, но, изрядно захмелев, отправился в западную часть города. Поговаривали, что один из партнеров подарил ему усадьбу, где его уже дожидалась красавица. С тех пор как Цуй Сян вошел туда, он больше не показывался.

Е Цяоцяо едва не раскрошила зубы от ярости.

С самой свадьбы Цуй Сян не пропускал ни одной юбки. Весь последний год, пока город терроризировали демоны, этот трус сидел тише воды ниже травы. Но стоило мастерам из Ордена Небесного Пути прибыть в город, как он тут же расправил хвост, не дожидаясь, пока нечисть истребят.

Какая наглость!

Она резко встала:

— Неси мою плеть!

***

Едва спустились сумерки, многие лавки уже начали закрываться. Цзянь Мянью успел купить горячих лепешек и соевого творога. Одолжив у торговца столик, он вместе с Цинь Уцзю пристроился наскоро поужинать.

Младший шишу попробовал ложку творога и замер.

— Не по вкусу? — спросил Цзянь Мянъ.

— Сойдет, просто не так хорошо, как... — Цинь Уцзю внезапно оборвал фразу.

Цзянь Мянъ удивленно поднял бровь. «Как что?»

В этот момент ворота поместья Цуй распахнулись. В сопровождении целой свиты, дыша яростью, вышла госпожа. Она вихрем влетела в повозку, коротко бросила приказ, и лошади понеслись к западным окраинам.

Цзянь Мянъ и Цинь Уцзю, которые после ухода от Юй Ваньэр не спускали глаз с дома Цуй, переглянулись. Юноша быстро сгреб остатки еды в мусорную корзину на углу, и они тенью скользнули вслед за экипажем.

Внутри кареты Е Цяоцяо сжимала рукоять плетеной лозы. В голове она уже сотню раз прокрутила, как именно разделается с мужем и той шлюхой, что посмела его принять.

Вскоре показалась уединенная усадьба. Кучер натянул вожжи:

— Госпожа, приехали.

Е Цяоцяо, не дожидаясь помощи, сама выскочила из экипажа. Не теряя времени на церемонии, она велела слугам выломать ворота и, выкрикивая имя мужа, ворвалась в дом.

Цуй Сян как раз предавался любовным утехам. Услышав зычный голос благоверной, он чуть не лишился чувств от страха. Вскочив с постели в чем мать родила, он даже не успел натянуть сапоги, как жена ворвалась в спальню.

Увидев представшую перед ней картину, Е Цяоцяо окончательно потеряла рассудок от гнева. Она с ходу пнула мужа прямо в пах.

В последний миг Цуй Сян успел откатиться в сторону. Смертельный холод пронзил его спину:

— Да ты с ума сошла!

Е Цяоцяо не проронила ни слова. Она замахнулась и с силой опустила плеть на его предплечье, которым он пытался прикрыться. Понимая, что супруга в ярости, Цуй Сян, завывая от страха, принялся носиться по комнате:

— Жена! Отрада моя! Виноват, бес попутал! Не бей, не надо! Ай-ай-ай!..

В этот момент ему было глубоко плевать на перепуганную девицу в постели. Он рванул к выходу, но на пороге оступился, подвернул ногу и плашмя рухнул в грязь.

Е Цяоцяо бросила презрительный взгляд на дрожащую на кровати женщину:

— С тобой я позже разберусь! — и, подхватив подол платья, бросилась вслед за мужем.

Слуги стояли за забором и, слыша истошные вопли хозяина, не решались войти.

Цуй Сян почувствовал резкую боль в лодыжке, бежать он больше не мог. Оставалось только принимать удары. Хлесткая плеть прошла по спине и пояснице. Он заверещал еще громче.

Лоза была сделана на заказ — гибкая, тонкая, жалящая до самых костей. А поскольку Е Цяоцяо вкладывала в каждый удар всю свою ненависть, боль была поистине нестерпимой.

Вытерпев несколько десятков ударов, Цуй Сян наконец разозлился. Извернувшись, он перехватил кончик плети:

— Е Цяоцяо, я тебе что, мальчик для битья?!

Жена ожгла его таким взглядом, что он тут же сдулся и отпустил оружие:

— Ладно, ладно... Бес попутал, выпил лишнего. Больше никогда, клянусь!

Он жалко состроил гримасу боли:

— Давай вернемся домой. Если тебе эта девка глаза мозолит, мы ее завтра же в бордель продадим.

Е Цяоцяо молчала. Цуй Сян уже было решил, что гроза миновала, как вдруг новый удар свалил его с ног.

— Жена?! — опешил он.

— Ты мне это каждый раз обещаешь, — ледяным тоном произнесла она. — Сегодня я тебя самолично калекой сделаю.

Глядя в ее глаза, Цуй Сян понял — она не шутит. Эта женщина была красавицей, но в гневе

становилась сущим дьяволом.

Он уже собирался ползти прочь, как вдруг почувствовал неладное.

— Стой... погоди, жена! Посмотри вокруг, что-то здесь не так.

Е Цяоцяо замерла с занесенной плетью. Тучи расступились, и лунный свет залил двор холодным серебром. В любое другое время эта картина показалась бы поэтичной, но сейчас обоих охватил ледяной ужас.

Она вдруг осознала — сегодня полнолуние.

Ночь полной луны, когда в городе бесчинствует нечисть, вырывая сердца. Неужели они наткнулись на нее?

По лбу госпожи скатилась капля холодного пота. Она через силу крикнула Сяо Цзю, но ответа не последовало. Ее верный пес никогда не оставил бы пост без приказа. Значит, случилось нечто ужасное.

Во дворе воцарилась гробовая тишина. Ни шороха, ни стрекота цикад. Казалось, во всем мире остались только они двое.

Е Цяоцяо и Цуй Сян встретились взглядами и, не сговариваясь, бросились к воротам. Но стоило им подбежать, как тяжелые створки сами собой захлопнулись с гулким стуком.

Супруги вздрогнули всем телом. Дрожая, они медленно обернулись.

Посреди двора в воздухе парила призрачная дева в белом. Она смотрела на них мертвым и холодным взглядом.

— А-а-а-а! — истошный вопль разорвал ночное безмолвие.

<http://bllate.org/book/17489/1712104>